

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Д. Д. ГОЛОХВАСТОВА ¹⁾.

— „Это ничего,—сказаль князь В. Долгоруковъ ²⁾,—я теперь пойду во дворець, доложу объ вась, а вы одѣньтесь, приходите и подождите меня въ залѣ. Я, конечно, ничего не могу сказать вамъ напередъ, но думаю, что Государь приметъ вась милостиво; главное, будьте какъ можно смѣлѣе, говорите прямо и откровенно: онъ это любить и цѣнить“.

Ждать въ залѣ мнѣ пришлось не долго; князь вышелъ изъ кабинета и знакомъ пригласилъ меня войти. Государь стоялъ среди комнаты не вполне одѣтый, безъ галстука, въ лѣтнемъ пальто и курилъ сигару.

— Я вызваль тебя, какъ здѣшняго предводителя, хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться, но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ опричниковъ тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія?

Такъ какъ это былъ вопросъ, то я хотѣлъ отвѣтить, но Государь продолжалъ:

— Я знаю, что ты скажешь, ты ихъ не уважаешь; да этого я не требую, но ты долженъ уважать въ нихъ меня, мое довѣріе.

— Государь, позвольте мнѣ сказать слово, не въ оправданіе, а только для уясненія простого недоразумѣнія.

— Говори правду, я всегда охотно ее слышу.

— Я, Государь, глубоко сожалѣю, что это слово сорвалось у меня съ языка, но не потому, что я хотѣлъ бы взять назадъ мысль, а потому, что выраженіе было понято не такъ, какъ понималъ его я.

¹⁾ Нашлось въ бумагахъ С. С. Татищева, къ сожалѣнію, въ недоконченномъ обрывкѣ. П. В.

²⁾ Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгорукій. П. В.

— Это какъ?

— Въ этомъ словѣ, Государь, всё увидали прямой намекъ на ту шайку, которую организовалъ Иоаннъ Грозный; но если такъ, то прежде всего—это крайняя глупость. Возможно ли допустить, что человѣкъ въ здоровомъ умѣ, не въ бреду, хотѣлъ серьезно сравнить, ну, хоть, князя В. А. Долгорукова съ Малютой Скуратовымъ?

Государь громко и весело засмѣялся.

— Да, дѣйствительно, но какъ же ты понималъ это слово?

— Каждое слово, Государь, можетъ существовать только тогда, когда существуетъ самый предметъ или понятіе, которому оно соответствуетъ. Слово опричина,—старинное Русское и на много вѣковъ древнѣе Иоанна и его шайки. Имѣло же оно и прежде значеніе, и это-то и есть его настоящій коренной, а не переносный смыслъ. Подъ этимъ словомъ всегда разумѣлось все то, чтò по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины или опричь народа. Можно быть добрымъ, хорошимъ, честнымъ человѣкомъ, но по своимъ понятіямъ, по воспитанію, быть совершенно чуждымъ народу. Я слишкомъ поздно спохватился, что тотъ нелѣпый восторгъ, который вызвало это слово, былъ просто недоразумѣніе, и хотѣлъ объясниться предъ собраніемъ, но князь Гагаринъ *) настойчиво просилъ этого не дѣлать; какъ предсѣдатель, онъ находилъ, что гораздо лучше не возбуждать вторично этотъ инцидентъ.

— Ну, впрочемъ, важно не слово, а дѣло; чтò значила вся эта выходка? Чего вы добивались? Вы хотѣли отомстить мнѣ за уничтоженіе крѣпостного права!..

Это было сказано громко и съ нѣкоторымъ чувствомъ гнѣва и негодованія. Я былъ тогда молодъ, горячъ и легко увлекался; тутъ я просто забылъ, что Государя не только нельзя прерывать, но и говорить вообще можно только или отвѣчая на прямой вопросъ, или получивъ на то позволеніе. Я горячо сказалъ:

— Ради Бога, Государь, неужели, вы могли этому повѣрить? Въдь это клевета! Правда, на-дняхъ у меня въ рукахъ былъ всеподданнѣйшій отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ эти слова напечатаны, но я головой готовъ ручаться, что ни у кого въ залѣ не было этой мысли, да и если бы у кого была, то онъ не посмѣлъ бы ее высказать дворянству.

*) Тогдашній предводитель Московскаго дворянства, князь Левъ Николаевичъ по матери своей, графиня Бобринская, внучка Екатерины Великой. П. Б.

Этотъ горячій протестъ въ первую минуту, кажется, удивилъ, но вовсе не разгнѣвалъ Государя. Онъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ:

— Нѣтъ, я этому не повѣрилъ... да и не то я хотѣлъ сказать. Что же это было, чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?

— Да, Государь, и мы честно сказали вамъ правду.

— И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи; но я знаю, что, сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски; а вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали.

Это былъ намекъ на адресъ Московскаго дворянства по случаю вмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣло усмиренія Польскаго мятежа.

Потомъ Государь сталъ говорить спокойно, не останавливаясь и глядя мимо меня, что онъ считаетъ себя первымъ дворяниномъ и именно Московскимъ; что при Императорѣ Николаѣ онъ гордился тѣмъ, что былъ первымъ вѣрноподаннымъ, вспомнилъ моего отца, котораго онъ лично зналъ и любилъ, говорилъ о его безграничной преданности и проч. Я стоялъ молча и слушалъ. Вдругъ онъ самъ себя прервалъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Итакъ, ты даешь мнѣ слово, что на слѣдующемъ собраніи ничего такого не будетъ?

— Отъ меня, Государь, не зависѣло бы сдержать такое слово: въ залѣ до 300 голосовъ, а у меня одинъ.

— Да, но ты ведешь залу.

— Нѣтъ, Государь, я веду только одинъ уѣздъ, но и за него отвѣчать не могу: каждый дворянинъ подаетъ голосъ независимо отъ предводителя.

